

Если бы мне сказали, что добираться до Бутана придётся на слонах, я бы ничуть не удивился. Неужели в этом затерянном в Гималаях буддийском королевстве есть аэропорт? Как выяснилось, имеется, а полёты осуществляет авиакомпания «Друк Эйр». В её представительстве в Катманду я покупаю билет до Паро. Спрашиваю у кассирши-бутанки, нет ли у них скидок для дипломатов? Ответ последовал молниеносно: «Какие скидки! Дипломаты должны платить больше». Что ж, с чувством юмора у бутанцев всё в порядке.

Танцы у дзонга

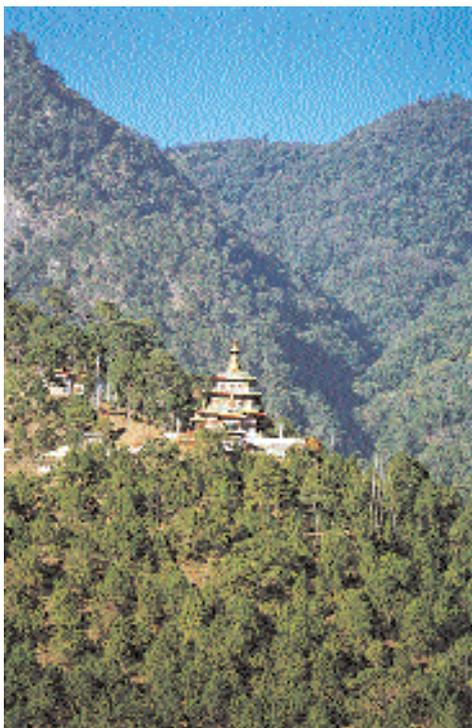
Итак, я лечу из Непала, единственного в мире индуистского королевства, в буддийское – Бутан. Всего час лёта, но зато, какой час! Вдоль всего Гималайского хребта. За иллюминатором величественно проплывают восьмимысячники Эверест, Макалу, Канченджунга, другие, более низкие горные пики. За горизонт уходит блистающее снегами и льдами Тибетское нагорье.

На фюзеляже нашего самолёта изображён Друк – мифический дракон, охранитель Бутана (он и в названии авиакомпании, и своё королевство бутанцы называют Друк Юл – «Страна громового дракона»).

Вскоре самолёт врывается в узкую долину и идёт на посадку. Аэропорт Паро даже как-то неловко называть таким обыденным словом, как здание. Обильно украшенные деревянной резьбой и росписями постройки, скорее, напоминают сказочные терема. Под стать им и сами бутанцы в национальной одежде. Мужчины облачены в пёстрые халаты, а женщины – в подобие сарафанов с массивными серебряными застёжками на плечах.

Встречают меня гид Ченчо и водитель Ванди. С ними предстояло путешествовать по Бутану на джипе целую не-

Николай Александрович
Листопадов – дипломат,
доктор исторических наук.

Монастырь в горах.

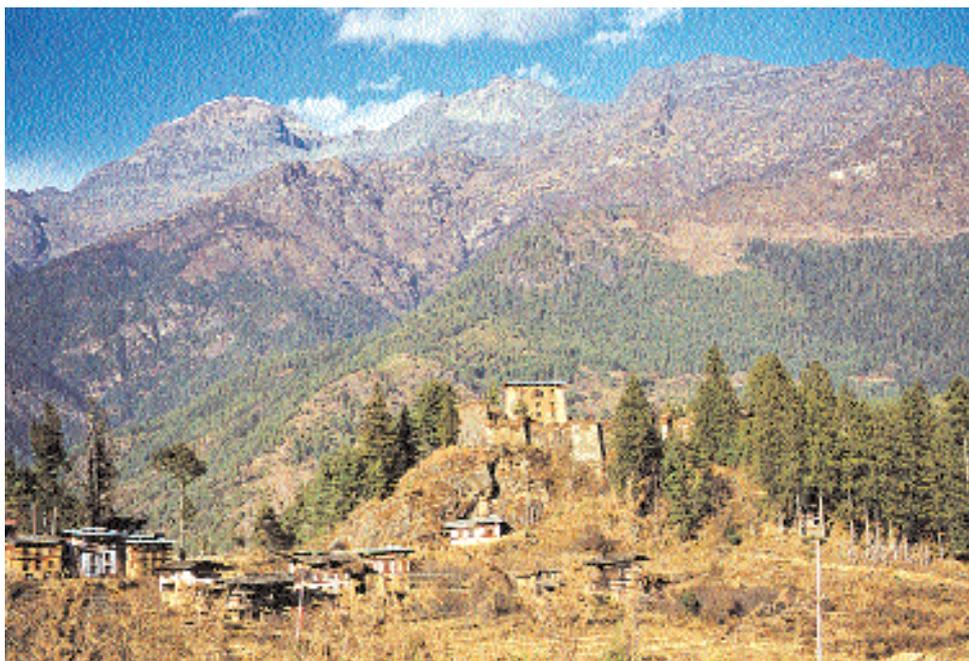
делю. Паро считается в королевстве крупным городом. На самом же деле – это скорее большой посёлок. Тем удивительнее местный *дзонг* – крепость, которая возвышается на берегу быстрой реки. По размерам и величию её смело можно сравнить с Псковским кремлём. Дзонг, построенный в первой половине XVII в., был и остаётся

до сих пор административным и религиозным центром провинции.

Крепостные сооружения – храмы, монастыри – выглядят очень внушительно. Стоишь во внутреннем дворе, очень широком, и чувствуешь себя как на площади современного города. Внизу, на другом берегу реки, как на ладони виден дворец королевы-матери. Он невелик, но радует глаз благородной простотой архитектуры – такой расписной теремок. В циклопическом дзонге, кроме нас, практически никого нет. Лишь изредка проскользнёт фигура ламы в шафрановых одеяниях да пройдёт охранник. А между тем, цитадель довольно ухожена. Краски настенных росписей, изображающих буддийских божеств, животных и птиц из легенд, яркие. Верхние этажи украшены резьбой по дереву. Раз в году в Паро проводится большой праздник – фестиваль танцующих масок. Ламы разыгрывают средневековые мистерии, перевоплощаются в божеств, чудищ, зверей и птиц.

Пытаюсь сделать фотоснимок дзонга, но это не так-то просто. Сооружение настолько велико, что нужен специальный объектив, которого у меня с собой не было. Приходится отходить всё дальше и дальше, на сотни метров, чтобы ничего не упустить. Сама собой приходит мысль: какие же богатыри построили эту крепость? Или людям помогли божества?

Как более-менее единое государство, Бутан сложился в начале XVII в. Процесс объединения раздробленных княжеств

Дзонг Друкгел.

Участники и зрители представления в честь армии Бутана.

Фаллические изображения отпугивают от жилищ злых духов.

проходил под руководством тибетских лам, поэтому на протяжении столетий в Бутане духовная власть доминировала над светской.

Центр городка Паро состоит всего лишь из одной недлинной улицы, застроенной теремами. Сейчас декабрь, и в долине преобладают тёмные краски. Трава пожухла, деревья сбросили листву, поля убраны. Но над зелёными склонами гор, густо поросших соснами, белеют припорошённые снегом вершины.

Вдоль быстрой реки едем к другой крепости. Её название говорит само за себя: Другел – «Победа бутанцев». Почти 400 лет назад тут были разгромлены тибетские отряды. Дзонг, как бы вросший в скалу, выглядит и сегодня неприступным, готовым отразить любое нападение. Из крепости замечаю внизу большую толпу. Слышна музыка, наверняка, происходит что-то интересное. И действительно, мне очень повезло: местные крестьяне дают представление в честь победоносной армии Бутана. Эта своего рода мистерия исполняется один раз в два-три года. Артисты играют самозабвенно. Несмотря на серьёзность темы, это очень весёлый концерт. Особенно уморителен старик с бутафорским мечом. Подпрыгивая, он наступает на публику. Заметив моё любопытство, он потешно замаскируется на меня. Я делаю вид, что сильно испугался, все довольно смеются.

Но мне ещё интереснее наблюдать за зрителями, которые, не переставая, жуют бетель. На представление собрались жители нескольких деревень. Все женщины кажутся сёстрами из-за одинаковой короткой стрижки. Атмосфера на празднике очень доброжелательная, спокойная. Место, где даётся представление, окружено солидными крестьянскими домами, по преимуществу, двухэтажными. Их белые стены напоминают картинную галерею. Особенно сочно выписаны фаллосы в эрегированном состоянии. Ченчо разъяснил, что бутанцы почитают фаллические изображения как символы плодородия и жизненной мощи. Кроме того, считается, что фаллосы отпугивают от жилищ злых духов.

Действо так увлекло меня, что я и не заметил, как стало темнеть. Надо было возвращаться в Паро, но меня задержали два парня-артиста. Не переставая жевать бетель, они попросили, причём на весьма приличном английском, сфотографировать их. Оказалось, что во всех школах Бутана, кроме монастырских, преподавание ведётся на английском языке, а не на официальном бутанском, называемом *дзонгкха*, то есть «язык дзонгов». Дзонгкха очень близок

тибетскому языку. Кстати, и название «Бутан» (или Бхутан) можно истолковать, опираясь на санскрит, как «окраина Тибета». Конечно, я сфотографировал моих новых друзей. Я даже запомнил их имена – Чимит Доржи и Палван Доржи. Между прочим, такие же имена можно встретить и в наших «буддийских» республиках – Бурятии и Калмыкии.

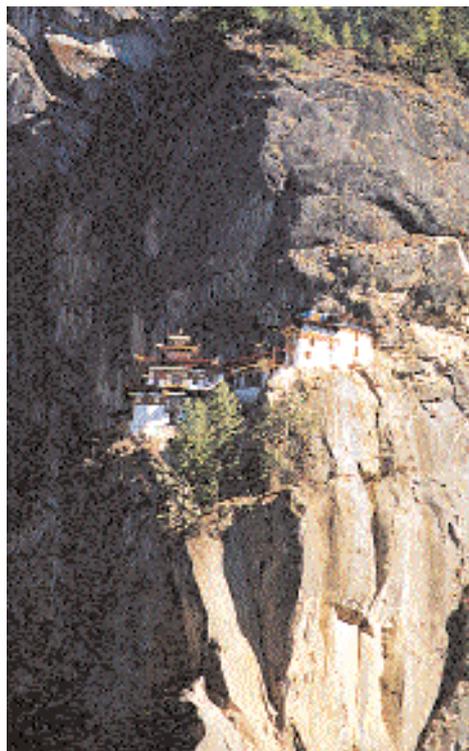
Восхождение к Такцангу

Сегодня мне предстоит отправиться к самому известному монастырю Бутана – Такцангу. Само название этой обители волнует воображение, ибо оно означает «Убежище тигра». Почти два часа карабкаемся по горным тропинкам. Подъём довольно трудный, но и приятный: стёжка вьётся по сосновому бору, слышится шум близкого водопада. Ещё небольшое усилие – и перед нами открывается панорама монастыря, который просто чудом удерживается на почти отвесной скале. Такцанг был основан в VIII в. самим Падмасамбхавой, известным каждому в Гималаях также под именем Гуру Ринпоче. Великий Гуру положил начало *нынгмапе*, мистической школе тибетского буддизма. Позднее в Бутане укоренилась другая секта – *кагьюпа*, вернее, её разновидность в форме *другла*. Сейчас она является в королевстве официальной. Почитается здесь и древняя гималайская религия – бон, обо-

Гуру Ринпоче, основатель Такцанга.

// весна 2004 //

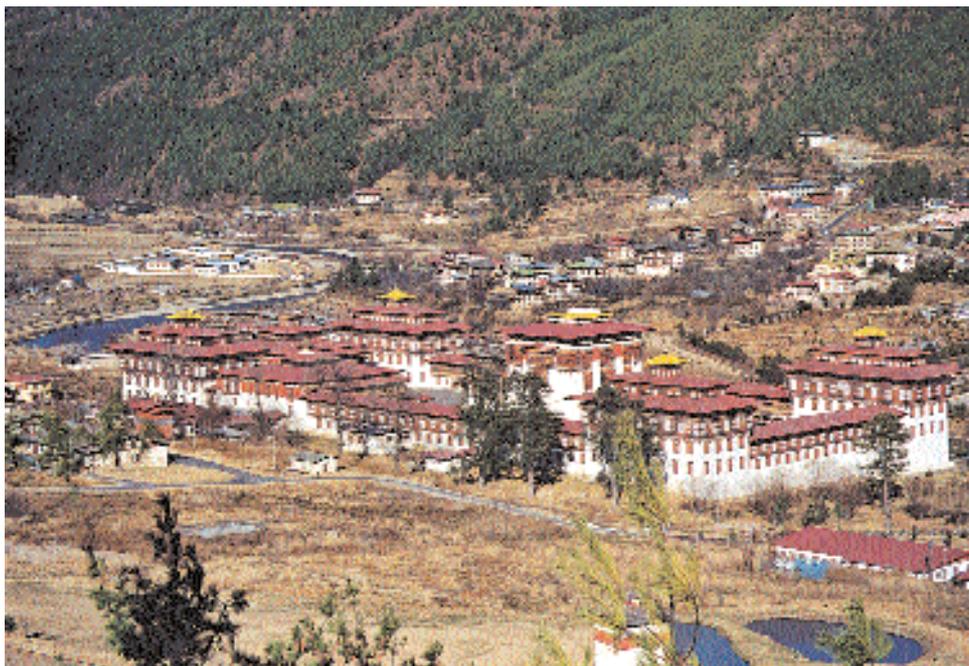

«Убежище тигра».

жествляющая природу. Бонский пантеон неисчислим: без преувеличения, у каждого дерева и камня есть свой дух.

Падмасамбхава прилетел в Бутан на тигрице. Непроступные скалы в сосновом лесу, омываемые водопадами, показались ему подходящим местом для возведения монастыря. Правда, вначале он обосновался в глубокой пещере. Тигрица была не обычным животным, а воплощением могучей богини. Она стала божественной супругой Падмасамбхавы. Вместе они победили местное божество, поставив его на службу буддизму. Паломники со всего Бутана приходят к обители в надежде подзарядиться духовной энергией, которой насыщен сам воздух этого уникального места. Несколько лет назад глухой ночью таинственный огонь объял монастырские постройки. От обители остались только пепел и оплавленный металл. Но самые священные скульптуры Будд и буддийских божеств пережили пожар.

Такцанг уже почти полностью восстановлен. Вокруг разлит терпкий запах сосновой древесины – идёт отделка строевой обители. Такцанг – это как бы главный корень, давший много отростков. Горы вокруг усеяны ступами, небольшими обителями, часовнями. В пещерах и сегодня медитируют монахи, достигшие высоких ступеней познания.

Дзонг Тхимпху.

На обратном пути из Такцанга заезжаем в древний монастырь Кичу, основанный ещё в VII в., до появления в Бутане Гуру Ринпоче. В обители запомнилось высокое мандариновое дерево, усыпанное оранжевыми плодами. Говорят, что оно выросло из посоха святого, некогда жившего в монастыре. Поодаль от Кичу – несколько деревень. Белокоричневые дома крестьян основательны, в два-три этажа. В малонаселённом королевстве жилища не лепятся друг к другу, а стоят уединённо. Бутанцы вообще индивидуалисты по условиям своей жизни. Зачастую им приходится ходить по горам в одиночестве, добираясь до родственников или выпасая скот. Интровертности, углублённости в себя способствует и буддизм, акцентирующий важность опоры на собственные силы.

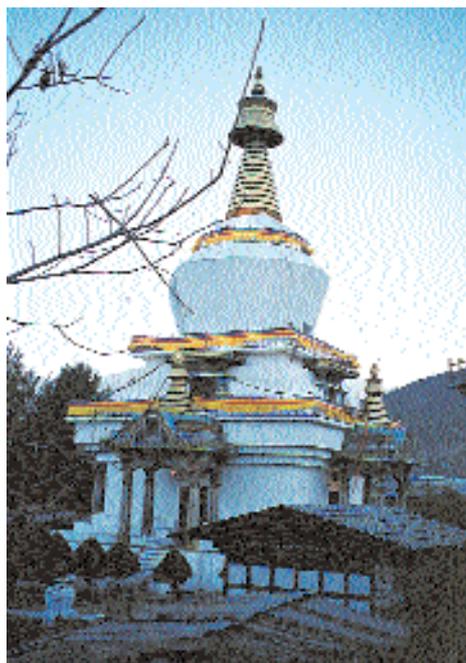
В монастырях Тхимпху

Небольшое население Бутана (менее миллиона человек) живёт по преимуществу в долинах. От Паро до столичного Тхимпху – 70 километров пути. Горная дорога идёт вдоль реки, пересекая редкие деревни с домами-музеями, на стенах которых запечатлены львы, легендарные птицы и, конечно, фаллосы. Пейзаж оживляют монастыри и ступы, лепящиеся к каменистым склонам холмов. Часа через два открывается панорама долины Тхимпху.

Население столицы не превышает 50 тысяч. В бело-красных сооружениях дзонга, что на берегу реки, заседают король и пра-

вительство, находится летняя резиденция *чже кхенпо* – духовного главы бутанских буддистов.

Король Бутана Джигме Синге Вангчук живёт в весьма скромном доме, который никак нельзя назвать дворцом. Его практически не видно в сосновом бору. Бутанская монархия молода. Нынешний правитель – всего лишь только четвёртый суверен нынешней династии, которая правит с 1907 г.,

Мемориальный чортен бутанской столицы.

Длинный халат *гхо* приходится подбирать до колен.

когда Угёну Вангчуку удалось объединить страну и стать первым гьялпо-королём. Бутанцы уважают своего мудрого монарха, старающегося модернизировать Бутан и в то же время сохранить самобытность и самостоятельность королевства. Последнее сделать весьма непросто, ведь Бутан зажат между двумя гигантами – Китаем и Индией.

Король Джигме, получивший образование в Индии и Англии, мыслит и действует

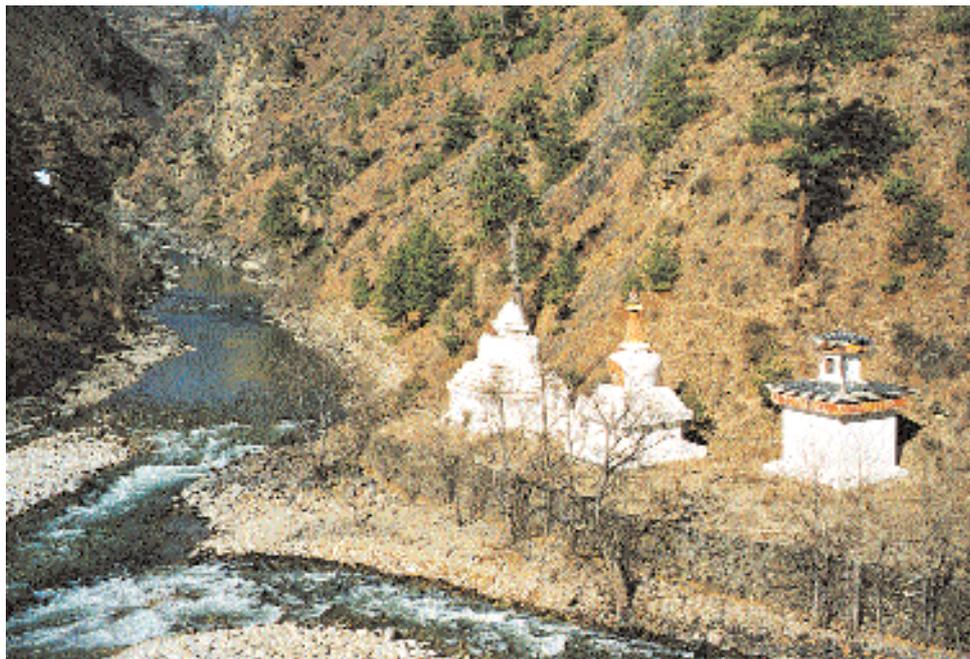
вполне современно. Правда, иностранцы прежде всего обращают внимание на экзотические факты из жизни монарха. На то, например, что он женат на четырёх сёстрах и у него десять детей. Королевы живут отдельно, каждая в своём дворце.

В тени остаётся то обстоятельство, что бутанцы не испытывают недостатка в продовольствии, что образование и медицина здесь бесплатные, что в королевстве нет безработицы. А ведь каких-нибудь четыре десятка лет назад Бутан жил при феодализме, в почти полной изоляции от внешнего мира. Тут не было ни школ, ни дорог, ни даже своей денежной единицы.

Традиционно бутанское общество отличается эгалитарным характером. Здесь никогда не было укоренившейся аристократии, крупных феодалов. И сейчас королевское правительство стремится не допустить резкого расслоения в стране на бедных и богатых.

Белая пирамида *чортена* с позолоченным навершием – первое, что бросается при подъезде к бутанской столице. Это мемориальная ступа, построенная всего четверть века назад в память об умершем в 1972 г. короле Джигме Доржи Вангчуке, отце нынешнего правителя. Мемориальный чортен стоит в небольшом парке на перекрёстке дорог. Рядом с входом на его территорию находится гигантский вертящийся молитвенный барабан-цилиндр, набитый мантрами – священными текстами. Верующие, крутя барабан, тем самым как бы произносят молитвы.

Бутанский, тибетский и непальский чортены.

// весна 2004 //

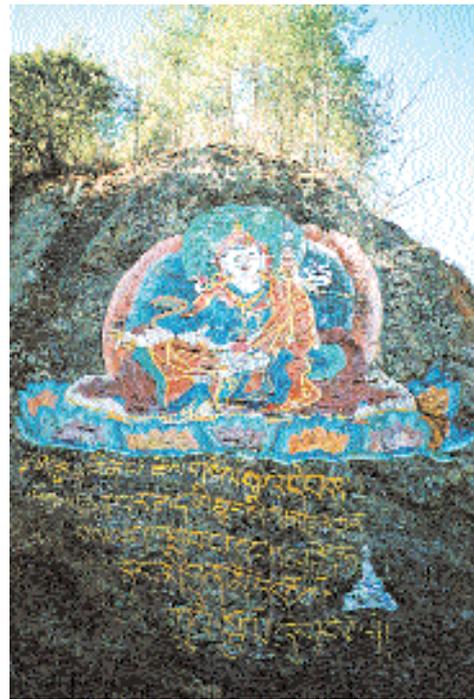
На циновках около цилиндра сидит несколько стариков и старушек. Они перебирают чётки и время от времени приводят в движение молитвенную мельницу. Один толчок, другой, третий... и так до бесконечности.

В Тхимпху нет никакой промышленности. Немногочисленные заводы по переработке сельскохозяйственных продуктов расположены на юге Бутана, в пограничных с Индией районах. В столице же если и есть какое-либо производство, то это ремесленные мастерские по изготовлению сувениров. Я с интересом ознакомился с тем, как делают, практически вручную, бумагу из тростника. Надо сказать, весьма трудоёмкий процесс. Понаблюдать за таинством рождения листов шероховатой бумаги из тростниковых стеблей, и мне стало стыдно за ту чепуху, которую люди порой пишут на ней, руководствуясь принципом «бумага всё стерпит».

В самом Тхимпху зелени не так много, но стоит выехать за его пределы, как сразу же попадаешь в сосновый лес. Дорога всё время идёт вдоль реки с чистой водой. Чем выше в горы, тем пышнее растительность. Помимо сосен, тут много гималайских дубов, необычайно высоких. Частью природы стали и монастыри, взобравшиеся на горные кручи. Яркими красками расписан огромный валун. На нем изображён Падмасамбхава. Рядом стоят две женщины, которые выглядят необычно даже в экзотическом Бутане. С распущенными волосами, в конусовидных островерхих шлемах, с бусами и чётками, они похожи на колдуний. Ченчо объяснил, что это паломницы, спустившиеся с высокогорья. Я хотел сфотографировать горянок, но, увы: они скрылись в кустах.

В Бутане всё уникально. В Тхимпху всех гостей обязательно везут в зоопарк, где содержатся только *такины*, что-то среднее

Стены домов здесь обильно разукрашены.

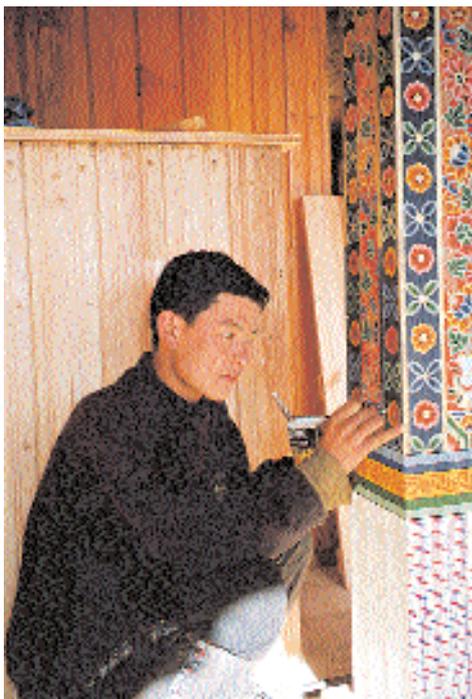
Изображение Падмасамбхавы на огромном валуне.

между горным козлом и буйволом. Это очень сильное животное считается национальным бутанским символом. Не менее экзотичны и другие символы гималайского королевства. Так, его национальный цветок – это редкий голубой мак, а национальная птица – мудрый ворон.

Стадо такинов разгуливает в огороженном сосновом лесу, почти на воле. Ловкие животные быстро поднимаются и спускаются по крутым склонам холмов. И корм у них весьма своеобразный – они поедают колючки с очень острыми шипами. Я исколот все пальцы, пока сломал веточку, чтобы угостить такина.

Надышавшись чудесным воздухом соснового бора и пообщавшись с такинами, мы отправились в женский буддистский монастырь. Там нас ждала любопытная картина. Бритоголовые монахини в бордовых одеяниях, выстроившись в длинную шеренгу, передавали по цепочке поленья. Дров было наколото несколько огромных куч, чтобы обитатели монастыря не мерзли в кельях. Ведь в январе-декабре в Тхимпху, расположенном на высоте в 2,5 тысячи метров, холодно. В моём гостиничном номере, например, к утру замёрзла вода в кране.

В молельне женской обители среди других божеств обращают на себя внимание фигуры Белой Тары и Зелёной Тары. Эти богини занимают важное место в буддийском пантеоне. Белой Таре молятся в надежде на

Мастер работает над традиционным орнаментом.

долголетие, а Зелёная считается покровительницей добродетельных женщин.

Из женского монастыря едем в мужской – старинный и очень известный. С трепетом вступаю в высоченный храм с бесчисленными статуями будд и божеств, перед которыми неугасимо горят масляные светильники. Стены щедро украшены сочными росписями и танка – буддийскими иконами на шелку. Огромные деревянные шкафы до отказа наполнены священными книгами, любовно обёрнутыми тканью. С колонн ниспадают разноцветные религиозные флаги.

В святилище пусто, кроме меня и Ченчо только смотритель и пара мирян. Вообще, в Бутане, по контрасту с соседней перенаселённой Индией, бросается в глаза малолюдность. По площади королевство сопоставимо со Швейцарией, а по населению – раз в десять меньше. Кажется, что изображений божеств тут больше, чем людей, а крепости, монастыри и чортены превосходят по численности жилища.

Поначалу я принял этот расписной терем неподалёку от дзонга за очередной буддийский храм. Вокруг здания совершали обход люди с чётками в руках, произносили самую распространённую в Гималаях мантру «Ом мани падме хум» во славу Авалокитешвары, бодхисаттвы милосердия. Но оказалось, что это вовсе не молельня, а национальная библиотека. Несколько её этажей заполнены бесценными манускриптами. В одном из них перечислены

100 тысяч имен Будды, а в другом – 100 тысяч проявлений мудрости. От традиции почитания священных буддийских текстов идёт уважительное отношение бутанцев к книге, к любому клочку бумаги с надписями на тибетском или же языке дзонгкха. Исписанную бумагу здесь никогда не выбросят за ненадобностью. Она должна быть предана огню, иными словами, кремирована, как умерший человек.

Вкус бетеля

В Тхимпху овощной базар, занимающий приличную площадь на берегу реки, работает только по субботам. Ещё на подступах к торжищу я услышал звучные раскаты какого-то необычного духового инструмента. Оказывается, покупатели, а может быть, просто любопытствующие, решили опробовать длиннющие, метра в 2–3, медные трубы, которые используются при богослужениях в буддийских храмах. К рёву труб присоединились ещё и громкие всплески тарелок-литавр. Сопровождаемый какофонией звуков, иду вдоль торговых рядов. Никогда я не видел столько цитрусовых. Впрочем, как и обилия красного и зелёного перца. Очень ходовой товар. Одна торговка с удовольствием уплетает пельмени-момо, так обильно посыпанные толчёным перцем, что это блюдо правильнее было бы назвать перцем с небольшим добавлением пельменей. Буквально все жуют бетель. Эта весьма распространённая на Востоке смесь обладает тонизирующим действием, при её употреблении выделяется обильная слюна красноватого цвета. Поэтому бутанцы, от мала до велика, ходят с красными ртами.

Основу рациона бутанца составляет рис. Но мало сказать просто рис, потому

Красный перец – самый ходовой товар на рынке.

Такие медные трубы используются при богослужениях в буддийских храмах.

что выбор его необычайно широк. Тут и продолговатые зёрна, и крупные, оттенки при этом самые разные – от голубовато-белого до жёлтого. Больше всего удивил красный, вернее, розовый рис. Нигде больше такого не видел. Подивился я и на громадные корнеплоды. Одной редиски хватит человек на десять.

Кстати, пора и перекусить. Хотел было пообедать в какой-нибудь харчевне, заодно посмотреть, что едят простые бутанцы. Однако Ченчо мягко, но настойчиво отсоветовал. Пришлось покориться и отправиться в небольшой ресторан. Заказал красный рис и грибы, запечённые с сыром и приправленные, как мне показалось, зелёной фасолью. Но стоило мне съесть первую ложку, как во рту начался пожар. По ошибке я принял за фасоль острейший зелёный перец. Пришлось тушить «пламя» рисом, благо его была целая горка. С ужасом я смотрел на Ченчо, который на закуску взял полную миску перца. Да, у бутанцев перец – это не специя, а салат. Перчик был во всех блюдах – и в мясе, и в рыбе. При этом Ченчо пытался уверить меня, что обед был приготовлен по заказу, не острый.

После бутанской трапезы очень хочется пить. Хорошо, что на рынке я купил мандарины. Стоят они сущие копейки, вернее, *четрамы*. Сто четрамов составляют один *нгултрам*. Можно расплачиваться и индийской валютой. Нгултрам приравнен к рупии. Вообще, крошечное буддистское королевство находится в особых отношениях с гигантской Индией. Во внешней политике и в вопросах обороны Тхимпху руководствуется

рекомендациями Дели. Дипломатические отношения Бутан поддерживает с немногими государствами. Россия в их число не входит, впрочем, как и другие державы, члены Совета Безопасности ООН. В Тхимпху находятся всего два посольства – Индии и Бангладеш, а бутанские представительства имеются в Дели, Дакке, Бангкоке, Кувейте, Нью-Йорке и Женеве. Паро связан авиарейсами с Катманду, Дели, Бангкоком, Даккой, Калькуттой и Янгоном. Визы иностранцы получают по прибытии в аэропорт Паро при наличии предварительного подтверждения, без которого невозможно купить авиабилет.

Изолированный от внешнего мира на протяжении веков, Бутан и сейчас открывается дозированно, опасаясь массового наплыва туристов, что, как известно, порождает много проблем, особенно для традиционных обществ. Его посещают всего около восьми тысяч туристов в год. При этом туризм является важнейшим источником иностранной валюты для Бутана. Ставка сделана не на количество гостей, а на состоятельных туристов. Прибывающий в Бутан должен заплатить 200 долларов за сутки пребывания в королевстве.

Что касается меня, то я, будучи дипломатом, получил визу через бутанское министерство иностранных дел и оплатил только фактические расходы. Приятно было узнать, что я оказался первым российским дипломатом, побывавшим в Бутане.

Большинство населения королевства ведёт натуральное хозяйство, обеспечивая себя всем необходимым от риса и мяса,

до кухонной утвари и одежды. Методы ведения сельского хозяйства мало изменились за последние столетия.

Жизнь в маленьком Бутане очень размеренная. Политических партий тут нет. В стране выходит всего одна еженедельная газета, правда, на трёх языках: дзонгкха, английском и непали. Радио и телевидение (тоже трёхязычные) ограничиваются парой часов вещания в день.

За перевалом Дочула

Тхимпху обрёл полноправный столичный статус сравнительно недавно. До 1955 г. зимняя столица располагалась в Пунакхе, в центральной части страны. Там значительно теплее. Чтобы попасть в Пунакху, надо преодолеть высокогорный перевал Дочула.

Отсюда, с высоты 3000 м., открывается величественная панорама заснеженных вершин Гималаев. Кулхагангри – самый высокий пик, вздымается на 7,5 км. На самом перевале буйствует пышная растительность. Это так называемые облачные, точнее, заоблачные леса. С веток высоченных деревьев свисают космы мха. С трудом пробираюсь через заросли папоротника. В стремлении ввысь с деревьями соревнуется рукотворный лес – на длинных шестах развеваются разноцветные лоскуты мантр-молитв. Крутятся приводимые в движение путниками молитвенные барабаны небольшого чортена. Ниши ступы уставлены маленькими глиняными пирамидками в память о тех бутанцах, которые уже отъ-

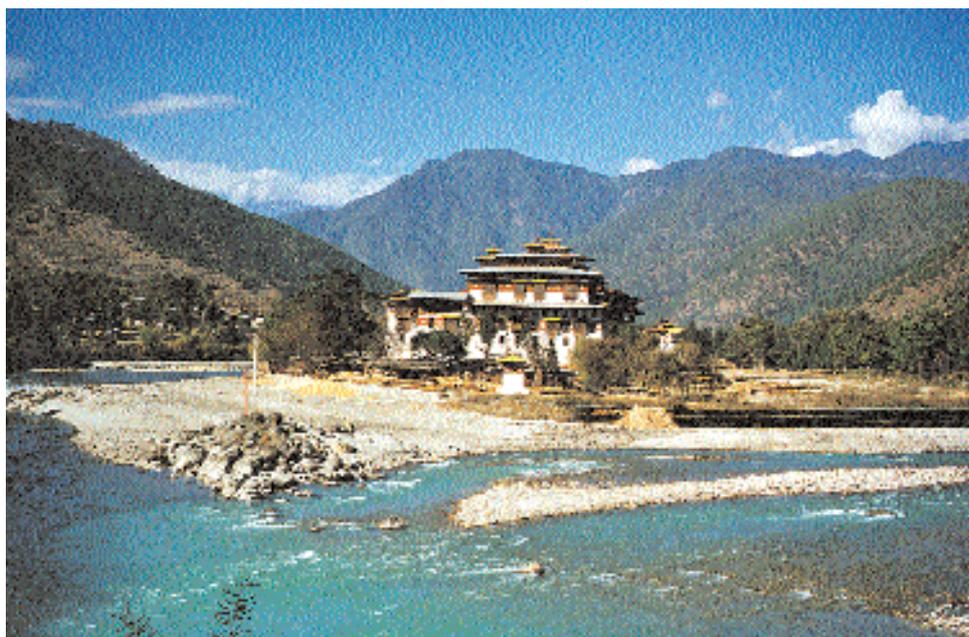
ездили и отходили своё по гималайским тропам. Я три раза обхожу вокруг ступы и вращаю барабаны – пусть умершие, чей пепел хранится в пирамидках, обретут покой в другой жизни.

Ехать приходится очень осторожно из-за гололёда. Бутанские водители отличаются вежливостью и дисциплиной, да и машин совсем немного. Так что в долину Пунакхи спускаемся без приключений. Несколько раз я просил остановиться, чтобы сфотографировать женщин, работавших на дороге. Это не бутанки, а выходцы из Индии и Непала. Свои носы они украшают массивными серьгами, чего не делают местные жительницы.

Наконец из-за поворота вырастает дзонг Пунакхи. Огромнейшая крепость возведена не на высоком холме, а в низине, при слиянии двух рек – Пхочу и Мочу. Красно-белый форт с золотистыми крышами празднично смотрится на фоне яркой зелени. По преданию, зодчий увидел будущий дзонг во сне, иными словами, он был как бы дарован людям высшими силами. И расположена эта громада у священных рек, названия которых переводятся как «мужчина» и «женщина». В Бутане распространён тантристский буддизм, в котором важен акцент на соединение мужского и женского начал, в результате чего освобождается мощная энергия. В храмах божества зачастую изображаются в обнимку с Шакти – олицетворением женской ипостаси.

Дзонг серьёзно пострадал во время сильного половодья. Сейчас он практически

Дзонг Пунакха расположен в низине, при слиянии двух рек.

Изображение божества и его Шакти в дзонге Симтокха.

восстановлен. Добрую его половину занимают новые, но ещё не раскрашенные статуи божеств. В затылках скульптур прорези, через которые во время церемонии освящения статуи будут заполняться священными текстами. Кипы бумажных полосок с молитвами лежат вдоль стен. Несколько лам в бордовых одеяниях монотонно-завораживающе читают мантры. Можно сказать, что мне в очередной раз повезло. Ведь в тантристском Бутане монастыри крайне неохотно открывают двери для посторонних, а к участию в эзотерических церемониях допускаются только посвящённые.

Прежде чем войти в дзонг, Ченчо повязал через левое плечо длинный белый шарф. Это строгое правило он соблюдал и в Паро, и в Тхимпху. В зависимости от общественного статуса бутанца, цвет шарфа варьируется. Простые подданные, такие как Ченчо, имеют право только на белую повязку. А вот по крутым ступеням в дзонг поднимается пожилой человек с красной лентой через плечо – это какой-то высокопоставленный чиновник. Привилегия носить жёлтые шарфы закреплена только за двумя персонами – королём и чже кхенпо.

Бутанцы в национальных халатах выглядят импозантно: широкие белые обшлага рукавов, белые подворотники, длинные, до колен, носки. Ченчо продемонстрировал тонкости ношения халата, называемо-

го *гхо*. Он очень длинный, до земли, но подбирается до колен и подвязывается широким матерчатым поясом на талии. В результате за пазухой образуется своеобразный карман-сумка, в который можно упрятать много всякого добра: кошелек, платок, нож, чашку – да мало ли что. Лет десять назад ношение халата в королевстве было объявлено обязательным. Это распоряжение даже послужило толчком к беспорядкам. Проживающие в Бутане непальцы отказывались носить *гхо*.

Покидаем дзонг по подвесному мосту. Вода в реке настолько чиста, что отчетливо виден каждый камешек на дне. Пронесются огромные косяки форели. Едем вдоль реки выше в горы. Впереди на склоне холма в изумрудной оправе сосен открывается вид на целую гроздь белозолотистых монастырей и храмов. Как поясняет мой гид, эта чудо-обитель патрионируется самим королем.

Колесо жизни

Сакральное искусство окружает здесь человека повсюду. Я уж не говорю о бесчисленных сокровищах дзонгов, монастырей и храмов. Стены обычных домов, и снаружи, и внутри, выглядят как картинные галереи. Мой номер в гостинице, к примеру, был расписан лотосами, а на стенах ресторана красовались изображения четырёх неразлучных друзей: слона, обезьяны, зайца и птицы, а также великих людей Бутана.

На фоне роскошных декораций часто разворачиваются всевозможные представления, вроде того, свидетелем которого я стал у древних стен дзонга Друкгел. Почти ежемесячно проходят крупные фестивали с завораживающими танцами в масках. В Бутане нет разделения на артистов и зрителей. Каждый получает возможность продемонстрировать свои таланты. И, похоже, талантивы все. Взять хотя бы Ченчо. Мне он поначалу показался человеком, довольно далёким от традиционного уклада. Но вскоре я убедился, что это не так. Зашли мы в лавку сувениров. Смотрю, мой гид взял небольшой барабан и, ударяя в него, пустился в пляс, демонстрируя завидное чувство ритма.

За недоступными стенами запретных бутанских монастырей таится много чудес, их обитатели достигли высоких ступеней познания и духовного совершенствования, овладели сверхъестественными способностями. Говорят, что некоторые из продвинутых лам, «воплощенцев» великих святых прошлого, могут предсказывать будущее, преодолевать земное притяжение и ле-

тать по воздуху, путешествовать во времени и пространстве.

Я ещё не успел отойти от сильного впечатления, произведённого величественным дзонгом в Пунакхе, как буквально через 10 минут испытываю очередное потрясение – передо мной разворачивается панорама крепости Вангди. Это центр уже другой административной области. Бутан разбит на 20 округов, и в каждом есть, как минимум, один дзонг. Вангдийская цитадель, в отличие от пунакхской, вросла в крутой склон горы и доминирует над местностью. Далеко внизу шумит большая река – дитя Пхочу и Мочу. В наступающих сумерках отчётливо выделялся реюющий над замком оранжево-золотистый бутанский флаг. В центре стяга парит громовой дракон, золотисто-жёлтый цвет олицетворяет светскую власть, а оранжевый – религиозную. Друк, белый цвет которого символизирует чистоту, защищает королевство Бутан. В лапах дракон держит драгоценные камни – залог богатства и процветания страны и её народа.

Неделя в Бутане пролетела быстро. Напоследок Ченчо и Ванди повезли меня в самый старый, начала XVII в., дзонг Симтокха. В крепости царствовала потаённая тишина, подчеркиваемая приглушёнными голосами мальчиков-послушников, которые, усевшись в кружок под навесом, заучивали священные тексты. Монастырские стены расписаны необычайно яркими картинами. Они и сейчас стоят у меня перед глазами. Сияющий белизной бодхисатва милосердия Авалокитешвара держит

в своих четырёх руках хрустальные чётки, белый лотос и исполняющий все желания драгоценный камень. Колоритны божества-охранители четырёх сторон света, особенно, Кубера с выпученными глазами – страж Севера и бог богатства. Он владеет волшебным мангустом, который отрыгивает драгоценности. Пламенеющий меч вздымает Манджушри – божество мудрости. Своим клинком он рассекает мрак невежества. Устрашающего вида гневные Дхармапалы – защитники буддизма наводят ужас на людей и духов с нечестными помыслами. Непременные атрибуты декоративного искусства Бутана да и вообще Гималаев – восемь счастливых символов, к которым относятся ваза с драгоценностями, бесконечный узел, победное знамя, чакра-колесо учения, золотой зонтик, две рыбы, белая раковина и лотос.

Перед входом в главное святилище божество смерти Яма держит в своей пасти Бхавачакру – Колесо жизни. В центре, на ступице колеса бытия изображены три животных. Свинья символизирует невежество, змея – гнев, а петух – похоть. Люди, находящиеся в плену этих страстей, обречены в следующих рождениях оказаться в аду.

Но меня муки буддийского ада не очень страшат. Ведь есть поверье, что человек, побывавший в Бутане и посетивший его святыни, значительно улучшает свою карму и может рассчитывать на приличное воплощение в будущей жизни.

Фото автора.

